

A romantic scene featuring a man and a woman in a bed. The man, with dark, wavy hair, is leaning over the woman, his hand gently resting on her neck. The woman has long, dark, wavy hair and is looking down with a soft expression. The background is a blurred view of a window with vertical blinds, through which some greenery is visible. The overall lighting is warm and intimate.

ЖАСМИН
МАЙЕР

ТАБУ

18+

Жасмин Майер

Табу

Серия «Запретные отношения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69298897

SelfPub; 2023

Аннотация

Их отношения запретны. А еще это самое лучшее, что случалось с ней. Их отношения постыдны. Но для него это единственный шанс снова вернуться к нормальной жизни. Их отношения никогда не одобрит общество, но выстоят ли они в этом противостоянии? Она его мачеха. И их отношения – это табу. История Тимура и Ксения, первый роман в цикле «Запретные отношения»

Содержание

Глава 1. Ксения	4
Глава 2. Тимур	12
Глава 3. Ксения	21
Глава 4. Тимур	29
Глава 5. Ксения	34
Глава 6. Тимур	40
Глава 7. Ксения	49
Глава 8. Тимур	55
Глава 9. Ксения	66
Глава 10. Тимур	74
Глава 11. Ксения	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Жасмин Майер

Табу

Глава 1. Ксения

Когда я в последний раз кончала по-настоящему?

Так, чтобы кричать до хрипоты? Когда это не секундное блеклое наслаждение от собственных пальцев, а темное горячее пламя, в котором плавится тело.

Когда у меня вообще был секс в последний раз? Вот так, чтобы с оттяжкой, чтобы ударять глубоко и резко. Чтобы вздрагивать всем телом, когда его тело врезается в твое, что извивается на влажных от пота простынях?

Ответ очевиден, и меня не радует.

Опустошаю бокал шампанского, не выдерживая рассказов Василисы о том, как она узнала, что такое сквирт. Иду через зал, здороваясь с важными гостями, которые даже не догадываются, о чем я сейчас думаю.

Взглядом нахожу мужа в дальнем конце холла. Сергей занят делом.

Как и вчера. Как и всегда.

Сначала разные одеяла, потом разные комнаты. Так нам казалось удобней. В итоге, мне тридцать три, а я даже не помню, когда в последний раз у меня был секс с мужчиной.

Мне просто нужно немного одиночества и тишины, чтобы выкинуть из головы Василису. Забыть ее сияющий вид, который объясняется не только солнцем, йогой и правильным питанием.

Еще у нее был секс.

Действительно много секса.

Разворачиваюсь и покидаю холл незамеченной.

Не исключаю, что у моего мужа дела обстоят иначе. Наверняка кто-то отсасывает ему во всех этих бесконечных командировках. Я не настолько наивна, чтобы верить в то, что его интимная жизнь тоже поставлена на паузу.

Задевает ли меня это? Нет.

Хотя что меня вообще задевает? Ничего. А значит, дело не только в сексе. Только в том, что я уже давно ничего не чувствую.

Пересекаю галерею и с наслаждением вступаю в полумрак зимнего сада. Надеюсь, когда вернусь, Василиса уже будет делиться другими впечатлениями от поездки.

Радуюсь тому, что в оранжерее немного прохладнее. Голова гудит от выпитого, а может, от мыслей. Сажусь в дальний угол, среди цветущих азалий, надеясь привести в порядок мысли, но в тот же миг понимаю, что план уединиться провалился.

Здесь еще как минимум двое.

И они неслучайно выбрали полумрак зимнего сада.

Судя по сдавленным стонам и шороху одежды, они совсем

рядом. Не знаю зачем, но я все равно поворачиваю голову вправо. Свет фонарей бьет прямо в лицо, резко очерчивая точеный профиль мужчины.

Откинув голову, он затылком касается мраморной колонны. Его рот приоткрыт, и он шумно выдыхает в ответ на порочный влажный звук.

Господи, ума не приложу, что должно произойти, чтобы я сделала нечто подобное. В чужом доме. В одежде. Когда тебя в любой момент могут застукать.

Мир помешался на сексе, ей-богу.

Как хозяйка дома, я могу даже громко попросить их убратся, чтобы не мешать мне своим влажным причмокиванием, но внутри почему-то скручивается тугая спираль, а в легких вдруг не хватает воздуха.

Это все шаманское.

Определенно.

Я не вижу девушку, но, очевидно, что она стоит на коленях между разведенных ног мужчины. И эти звуки издает именно она.

Хотя может, то и не девушка вовсе. В нашем мире все возможно.

Я вижу только верхнюю половину тела мужчины, который сидит на такой же скамье, что и я, но под другой колонной. И меня абсолютно завораживает то, как ритмично он двигает правым плечом, вероятно, надавливая на затылок, управляя движениями и контролируя степень проникновения в чей-

то рот.

Она давится, хрипит, — а это все-таки женщина, судя по звукам, — но мужчина не знает сочувствия. Кажется, его член заглатывают едва ли не полностью. Кто-то очень старается.

Он заворожено смотрит на происходящее сверху вниз. Темные глаза блестят под полу прикрытыми веками. Его кадык резко выделяется.

Мужчина бегло облизывает губы и сглатывает. Я хочу услышать его стон, но он не стонет. Мычит она. Не понимаю, почему минет дарит столько удовольствия именно ей. Что в этом такого?

Может, она просто задыхается?

Замечаю, как наливаются мышцы на его груди и плечах, когда он, кажется, пытается вогнать ей член до самого горла, судя по звукам. Его терпение на исходе. Мое собственное дыхание сбивается, а рот вдруг наполняется слюной, и я непроизвольно сглатываю.

Слишком громко для того, кто заделался в вуайеристы.

Мужчина тут же поворачивает голову на звук. В мою сторону.

Останавливает на мне свой темный блестящий взгляд.

Свет со двора по-прежнему бьет ему в спину и слепит меня, но не его. Это я почти не вижу его лица, но он прекрасно видит мое. Бежать поздно. Это нечестно, но до этого мига я почему-то даже не учитывала возможность, что меня могут поймать на подглядывании.

Он не отводит глаз. На этот раз от меня.

Я тщетно пытаюсь разглядеть его, ведь это может быть кто-то из знакомых. Но по-прежнему различаю только общие черты лица. У него большой мужской рот, крупный нос, и я вижу, как мелькают белые ровные зубы.

Он еще и улыбается.

Мне.

Ни один из наших с мужем знакомых не стал бы мне так улыбаться. Не в этой ситуации точно.

Я до последнего надеюсь, что он извинится передо мной и остановит девушку, но не тут-то было. Он, наоборот, только быстрее двигает рукой, сильнее надавливая на ее затылок. Она давится громче, мой рот полон слюны, но теперь я даже не пытаюсь ее сглотнуть. Словно даже так я буду сопричастной к происходящему.

Пойманная цепким бесстыжим взглядом, только заворожено гляжу, как каменеют его мышцы, как дергается кадык на шее.

И как он снова улыбается.

Мельком.

Быстро.

Прикрывает глаза и хрипло стонет. Впервые. Я перестаю дышать. Он замирает, напоминая великолепную статую «Мужчина в мгновение оргазма».

Она глотает. Захлебывается, но глотает. Это единственный звук, который нарушает тишину.

Он кончает как-то неправдоподобно долго, словно у него тоже не было секса целую вечность. После он выпрямляется. В чертах лица и тела мгновенно появляется расслабленность, которой не было до этого.

Я жду, что сейчас он поднимет ее с колен, поцелует и отблагодарит, но мужчина только бросает:

– Круто... Можешь идти.

– Мудак, – выплевывает та, что только что давилась его спермой.

Охрипший голос девушки кажется мне смутно знакомым, тогда как мужчины – по-прежнему нет. Она срывается с места, так и оставаясь скрытой растениями. Только слышу, как цокают каблук, пока она теряется на тропинках зимнего сада.

Мы остаемся одни.

Я и мужчина, за которым я наблюдаю преступно долго, а в саду наконец-то воцаряется полная тишина.

Судя по ленивым движениям, он возвращает белье и штаны на место и только после поднимается. Спасибо и на этом. Но, получается, он выгнал ту, что только что отсосала, еще даже не натянув штанов. Моментально как кончил.

Я не вижу его, но слышу шаги. И понимаю, что он идет прямо ко мне.

Удивительно, но я совсем не чувствую тревоги или страха. Я хозяйка этого дома и стоит мне щелкнуть пальцем, как здесь появится охрана. В этих стенах у меня столько власти,

что я могу даже попросить его повторить представление с какой-нибудь другой женщиной, вот только с меня достаточно и этого.

Кто он такой, раз может позволить себе так обращаться с женщиной? И почему она сделала для него это? Он был в футболке, что странно. Мой мозг только сейчас осознано отмечает эту, без сомнения, важную деталь. Если бы мужчина был нашим гостем, на нем был бы костюм.

Слышу его шаги и снова шорох одежды. Вжикает молния – слишком долго для ширинки. Похоже, он застегнул какую-то верхнюю одежду поверх футболки. Как он вообще оказался в спортивной одежде в нашем доме? Кто пустил его, невзирая на строгий дресс-код? Может, это кто-то из obsługi? Официант, повар, водитель – их сейчас в доме хватает.

Мое дыхание учащается. А во рту снова слишком много слюны. Я сглатываю, и это только напоминает мне о звуках, которые еще пять минут издавала стоя на коленях девушка. И мои щеки, похоже, снова горят маковым пламенем.

Станный гость идет ко мне. Шаги твердые, но тихие. Первым делом, когда он появляется из-за поворота, я смотрю на его обувь. Белые кроссовки резко выделяются в полумраке. Я озадачена. Это дорогие кроссовки, которые не по карману обычному официанту из кайтеринга.

Он очень высокий, выше меня на целую голову. Но здесь я – хозяйка дома и положения, напоминаю я себе. Даже если во мне только метр шестьдесят, это не отменяет того, что я

на несколько социальных ступеней выше, чем какой-то официант.

Скрещиваю ноги в щиколотках и продолжаю сидеть ровно, пока он идет прямо ко мне через темные аллеи. Не таясь. Не стесняясь того, что только что трахал в рот другую, пока сам смотрел на меня.

Веду взглядом по свободным спортивным штанам, стараюсь не задерживаться на бугре в паху. У него крепкие длинные ноги. Он немного прихрамывает. Может, ногу отсидел, не знаю. Я успеваю заметить, но не успеваю проанализировать значимый факт хромоты, потому что он наконец-то выступает в пятно света, и тогда я отчетливо вижу его лицо.

Моя невозмутимость летит ко всем чертям.

Я запомнила его долговязым мальчишкой, который не расставался с футбольным мячом.

Прошло целых десять лет с нашей последней встречи. Тимур стал шире в плечах и уже в бедрах, но на полных губах играет все та же улыбка. Так он смотрел на своих сверстниц.

А теперь смотрит на меня.

Он – сын моего мужа от первого брака.

Глава 2. Тимур

Даже не успеваю подойти.

При виде меня маленькая любительница подглядывать тут же срывается с места и несется прочь на своих высоченных каблуках.

На самом деле, я не ожидал другого. Так и знал, что окажется трусихой. Смотрю ей вслед – успел заметить, что даже на каблуках, она все равно ниже меня. Тонкая и маленькая, как Дюймовочка, но с таким порочным и голодным взглядом...

Раньше я бы догнал ее быстрее, чем она вылетела из сада. Она на каблуках, а я – в удобной обуви и быстро бегаю. Но не сейчас. После травмы я все еще хромаю на правую ногу, будь прокляты мои связки. Но я хотя бы хожу.

Я успел заметить рост и ноги, но не разглядел все остальное. А мне просто интересно глянуть на Дюймовочку при ярком свете. Увидеть, как она покраснеет или отведет глаза. Она так внимательно следила за мной, так жадно приоткрывала рот, что я думал, помани ее пальцем, и она присоединится.

Выхожу из зимнего сада, куда меня завела Лали. Мне было восемнадцать, когда я уехал из России. Тогда же отец только купил этот дом для своей молодой жены. Без Лали я бы не разобрался, где что в этом особняке. Даже десять лет

назад вокруг меня вились местные инста-модельки, что уж говорить теперь. Конечно, они продолжали следить за моей жизнью в Англии. Девочки выросли, стали решительнее. А богатых молодых холостяков в России не так много.

Я даже не рассчитывал, что Лали так просто согласится. Я всего лишь прямо ответил на ее вопрос: «Вау, Тимур, с возвращением! Могу чем-то тебе помочь?»:

– Например, можешь отсосать мне.

Что она и сделала. Вот это я понимаю гостеприимство.

Лали и теперь первая, кого я вижу, когда появляюсь на пороге холла, забитого гостями. Сначала она думает, что я вернулся за ней, но я отвожу взгляд в сторону, и она моментально скисает.

Прием в разгаре, а я не дурак, чтобы появляться здесь в трениках и кроссах. Отец ненавидит спортивную одежду. И, скорей всего, будет в ярости, если я сейчас через весь зал пойду с ним здороваться.

Я честно не собирался сюда приходить. Хотел отправиться сразу же в свою половину дома, но Лали встретила меня совершенно случайно.

А потом и маленькая любительница подглядывать за другими.

Лали все-таки задерживает на мне взгляд, но я не смотрю в ее сторону. Видимо, все еще надеется, что я позову ее в спальню, чтобы продолжить. Или решила, что застолбила меня первой? К черту. Если за эти десять лет у нее мозгов

так и не прибавилось, то ее даже не жаль.

Неожиданно взгляд напарывается на голые острые плечи.

А вот и любительница подглядывать. Вижу ряд острых позвонков, исчезающих под черным платьем. Спиной ко мне она идет строго прямо, не быстро, но и не медленно.

На ней почти нет украшений, это я заметил еще в саду. Только тяжелые дорогие сережки, которые качаются в такт ее шагам. Представляю ее голую и только в этих сережках.

Верхом на мне.

Сердце замирает, когда я понимаю, что любительница подглядывать прочесала через весь зал... прямо к моему отцу.

Черт! Неужели узнала и настучит?

Неожиданно мой отец приобнимает ее за талию и наклоняется, чтобы расслышать ее слова. Степень моего оху*вания моментально зашкаливает.

БОЖЬЯ КОРОВКА?

Но как? Я ведь ее помню! Совсем-совсем другой!

В ней было килограмм восемьдесят, а еще черное платье в красный горошек, которое ей совершенно не шло. Уж точно не также, как это строгое платье с черным кружевом.

А еще у второй жены моего отца было широкое доброе лицо с ясной улыбкой. Как модель с рекламы сливочного масла. И тогда при взгляде на нее я совершенно не понимал, что в ней нашел мой отец. Разве что возраст – ему на тот момент было чуть за сорок. Ей двадцать четыре.

А мне тогда было восемнадцать. И хотя я трахал каждую, у кого была пара сисек и вагина между ног, Божья Коровка, как женщина, не вызывала у меня никакого возбуждения.

Но это тогда... А теперь Божья Коровка изменилась.

Но это именно она заворочено смотрела на то, как я кончаю светской шлюхе в рот.

Моя собственная мачеха.

Я чуть не сбиваю с ног официанта, который пытается проشمыгнуть в зал с полным подносом.

Я понятию не имею, так ли сильно изменился за время своего отсутствия в России. Я мужик, а не баба, чтобы считать каждую морщинку или седой волосок. Но и прошло порядочно – десять лет. Я просто не мог не измениться за это время, так? Но она меня узнала, а вот я ее – нет.

Именно Божья Коровка снова находит меня. Хер знает как. Как будто теперь мы связаны нашей общей порочной тайной. Она поднимает глаза и безошибочно смотрит прямо на меня через забитый гостями зал.

Сейчас это совершенно другой взгляд.

Совсем не тот, каким она смотрела на меня там, в темном зимнем саду. Равнодушные зеленоватые глаза скользят по моей челюсти, и я машинально чешу ногтями отросшую щетину. Она что-то говорит моему отцу, и тот тоже смотрит на меня.

Ну, я не собираюсь извиняться за свой внешний вид. Я только из аэропорта и вошел через черный ход. Собирался

предстать перед отцом и мачехой завтра после их приема, когда приведу себя в нормальный вид, но случайно наткнулся на безотказную Лали.

Я прекрасно знаю, что мне нет места на этом светском рауте, и оказался я здесь только потому, что хотел посмотреть в глаза женщине, которая так завела меня.

Черт возьми.

Отец рад меня видеть. Наверно. Но он все равно хмурится.

Кратко киваю ему и показываю знаками, что иду к себе. Не собираюсь присоединяться к этой расфуфыренной компании, пусть не переживает. Но отец что-то бросает Божьей Коровке. Она бледнеет, но быстро берет себя в руки.

Мягко разворачивается на каблуках и идет через весь зал прямо ко мне.

А вот это уже интересно.

Да как же ее звали, блин? Я про себя, как нарек ее Божьей Коровкой, так и звал. Просто не мог забыть тот горошек на внушительном бюсте и широких бедрах.

Теперь все это куда-то делось.

Впиваюсь взглядом в ее фигуру, пока она, мягко лавируя между гостями, идет прямо ко мне.

Сейчас в ней килограмм пятьдесят, не больше. Она низкого роста, но теперь за счет каблуков и отсутствия лишнего веса, даже это никак ее не портит.

Ее длинная шея напряжена. Губы стиснуты. Темные воло-

сы собраны в изящную ракушку. И я снова не могу отделаться от фантазии, в которой ее серьги вздрагивают и качаются, царапая ее плечи, вовсе не из-за ее шагов, а темные волосы рассыпаны по плечам и голой спине.

Чертовщина какая-то.

На ее лице – маска. Божья Коровка глядит ровно, открыто, не стесняясь того, что только что видела. Похоже, для нее все уже в прошлом. И вообще ничего особенного не произошло.

Она действительно сильно изменилась. Очень. Если бы я встретил ее не в доме моего отца, думаю, уже уложил бы на лопатки. Не понимаю, как законными способами можно настолько до неузнаваемости измениться за каких-то десять лет. Я смотрю на точеные ноги и невероятно высокие каблукки, из-за которых ее икры и подъем стоп выглядят просто охуенно. Иметь такие ноги при таком росте – настоящий подарок судьбы.

Она нервничает из-за моего такого бесстыжего разглядывания и, похоже, злится. Скольжу взглядом вверх по ее бедрам, талии, высокой груди. Теперь это... Возможно, двоечка. А может – просто хороший бюстгальтер.

Сколько ей? Что-то около тридцати трех? Ну, у меня были женщины старше... О чем я вообще думаю?

– С возвращением в Россию, Тимур, – Божья Коровка изображает на лице что-то вроде улыбки.

Расслабленно и широко ей улыбаюсь, в отличие от нее. Мне бояться нечего. Я был в своем праве, и теперь знаю ее

грязный секрет. Мамочка любит подглядывать.

– Забыл, как вас зовут, – произношу медленно. – Простите.

Кажется, у нее сейчас пар из ушей повалит, но она быстро берет себя в руки. Выдержка ее главный конек.

– Можешь звать меня Ксенией. Иди за мной. Твой отец попросил показать тебе твою спальню.

Пропускаю ее вперед и убеждаюсь, что вид сзади – также неплох. Подтянутая крохотная задница снова заставляет меня задуматься, как же так вышло, что десять лет назад она была совсем другой? Это спорт, диета, пластическая хирургия или все вместе? Или просто игра моего воображения сделала ее толще и страшнее, чем она на тот момент была?

Ксения, хотя я предпочитаю Божью Коровку, сворачивает в проход. Это огромный дом, а я уже знаю, где моя спальня. Мне объяснил дворецкий, но я не расскажу об этом Божьей Коровке.

У них здесь совсем как в королевской семье. Я приехал из Англии и меня этим не удивить, но я не понимаю, на кой черт моему отцу понадобилось столько слуг в России. Может, он прогулял в школе урок истории, на котором рассказывали, что крепостное право отменили.

Мне не нравится идти молча. А еще выдержка никогда не была моей суперспособностью.

– Понравилось то, что ты видела, Ксения?

Ее узкая спина напрягается, а лопатки каменеют. Но не

понимаю, нахрена веду себя так с ней по-скотски.

Может быть, потому что я прекрасно знаю, что ей понравилось, но она почему-то делает вид, что это не так.

– Могу повторить. Только для тебя.

Она по-прежнему молчит. Серьги из белого золота легко раскачиваются, доводя меня до изнеможения.

Ее каблуки бесшумно ступают по мягким коврам. В этой части дома пусто. Легкая классическая музыка уже не слышна, как не слышны и голоса. Мы можем уединиться здесь так же, как и в зимнем саду.

Меня оправдывает только тот факт, что я совсем не узнаю эту женщину, которая замужем за моим отцом. Слишком хорошо помню ту веселую хохотушку в платье в горошек. Но на нее у меня никогда не стояло так, как сейчас.

Может быть, у меня начинается лихорадка, а с ней и бред, потому что из-за ее молчания я не могу остановиться:

– В какой момент ты узнала меня? Сразу, как увидела? Ведь ты меня вспомнила, а я тебя – нет. Это нечестно.

Маленькая, но очень гордая Божья Коровка продолжает молчать. Кажется, любые мои слова просто отскакивают от ее узкой спины с выпирающими лопатками. Темные волосы собраны на затылке, отчего ее шея, кажется, еще тоньше и длиннее.

Мне нелегко дается этот маневр, учитывая травмированное колено, но я стараюсь. Обгоняю ее сбоку и замираю прямо перед ней.

– Слушай, может, ты совсем другая жена моего отца?
Она успевает затормозить и не врезается мне в грудь.

Губы, глаза, нос... Я лихорадочно изучаю ее лицо, которое так близко, и с ужасом понимаю, что это те же самые черта лица. Я понимаю это, когда смотрю на нее в упор. Да, это та же самая женщина. Та же Ксения, на которой мой отец женился десять лет назад после того, как отправил меня в Англию играть в местном футбольном клубе.

Тогда у меня была вся жизнь впереди. А теперь – ни жизни, ни карьеры. Только травмированное колено.

В которое мне и прилетает каблуком. Бессердечная женщина точно знала, куда бить. Я сгибаюсь пополам и хриплю:

– Сука.

– Кобель, – не остается в долгу она. – Не пробыл дома и часа, переспал с одной, а что ты делаешь сейчас? Да стоит хоть слово сказать твоему отцу...

– Я просто шучу, Божья Коровка.

– Как ты меня назвал? – шипит она.

– Расслабься, Ксения Не-знаю-твоего-отчества.

– Это плохая шутка, Тимур. Как колено?

– Эта шутка еще хуже, – парирую я. – Мне восстанавливали его год и провели три операции, а сейчас ты врезала по нему каблуком. Сама как думаешь?

– Думаю, жить будешь, – холодно отвечает она, скрещая на груди руки. – Дверь на твою половину за поворотом. Авось, доковыляешь.

Глава 3. Ксения

– Говорят, мальчик вырос, – играет бровями Василиса. – Не успел прилететь в Россию, а о нем уже ходят легенды.

Пожимаю плечами в ответ. Пока бегу на дорожке не хочу сбивать дыхание разговорами. Да мне и неинтересны ни эти легенды, ни то, где именно этот мальчик вырос. Так и должно быть. У взрослого сына моего мужа своя жизнь, у меня – своя.

За последнюю неделю мы всего однажды пересеклись в доме. В первый и последний раз это было на завтрак. Сергей любит завтракать вместе, когда он дома, а в эту неделю дома он был только один день из семи. Тогда-то за огромным длинным столом в столовой мы с Тимуром и встретились.

В основном говорил Сергей.

Тимур всю свою жизнь отдал футболу, но теперь его карьера была под вопросом. После разрыва крестообразных связок колена вернуться в прежнюю форму было сложно, но кое-кому удавалось. К сожалению, Тимур к ним не относился. Его хромота свидетельствовала о том, что парню следовало хорошенько подумать над тем, чем он займется в жизни.

Сергей давно мечтал о наследнике, который возьмет часть бизнеса на себя. У него был только Тимур. К счастью, для Сергея и к несчастью для Тимура. Уходить в политику, вести закулисные игры и тонкие дипломатические перегово-

ры – все это явно было не то, к чему мог стремиться бывший футболист.

Я надеялась, что у Тимура есть запасные варианты. Но в то утро стало очевидно, что Тимур понятия не имел, чем он собирался заниматься дальше.

– Лали сказала, что Тимур стал настоящим мужчиной, – продолжает Василиса. Несмотря на то, что ботекс у нее вколлот во все мышцы лица, она все равно пытается двигать бровями. Выглядит это противоестественно.

Таймер на велодорожке дает знать о том, что моя тренировка окончена. Это было неизбежно, но я бы предпочла, чтобы это произошло еще позже, когда мы сменим тему.

Я схожу с дорожки и делаю глоток воды. Василиса по-прежнему ждет ответа.

– Ему двадцать восемь, – я сдаюсь, пожимая плечами. – Конечно, он уже занимается сексом.

– Говорят, он переспал за одну только неделю аж с тремя! – оживляется Василиса. – И две из них были одновременно.

Василиса идет по пятам. Судя по всему, следующие полчаса я продолжу слушать сплетни о постельных подвигах моего пасынка.

Мы раздеваемся и ложимся на кушетки. Мастера накрывают полотенцами наши ягодицы, а после бережно отшелушивают каждый миллиметр наших тел.

– Он холостой, молодой и богатый, – отзываюсь я в дыру

для лица. – Разве может быть иначе? Они сами раздвигают перед ним ноги.

– Он приводит их к вам домой? – спрашивает откуда-то сбоку неугомонная Василиса.

– Понятия не имею, – отзываюсь в пол. – У нас большой дом, и у него отдельный вход в левое крыло.

Впрочем, сегодня я обязательно узнаю у охраны, как только доберусь до дома, кто проходит на половину Тимура. Просто потому, что не позволю превращать дом в бордель.

– Можно я к вам сегодня заеду?

Господи.

– Хочу на него посмотреть, – продолжает Василиса. – Мне Лали про него все уши прожужжала. Представляешь, у нее еще не было таких больших!

Вот как? Неудивительно, что она так давилась им.

Радуюсь, что лежу лицом вниз и никто не видит моих щек. По ощущениям, кожа горит, как после кислотного пилинга.

– Заезжай, – отзываюсь я, как можно равнодушной. – Понятия не имею, дома ли он. Ты, может, захочешь и на ночь остаться?

– А можно? – радуется Василиса. – Слышала, Сергея сейчас нет в стране. Тебе, наверное, скучно одной?

– Он с рабочим визитом в Финляндии, – только и отвечаю я.

Мне никогда не бывает скучно. Особенно в одиночестве. Мне бывает скучно на светских мероприятиях, банкетах и

раутах, рядом с Василисой, у которой один секс на уме, но никогда в одиночестве.

После мы с Василисой рассаживаемся по машинам. Позже ее привезет водитель, а сначала она заедет к себе. Уверена, за сексуальным бельем. Женщины помешались на Тимуре.

Машина быстро доставляет меня домой. Для середины февраля кругом неестественно зеленые лужайки, которые требуют нереальных сил и вложений. Но дорогие машины, одежда и выброшенные на ветер деньги – это неотъемлемая часть богатой жизни.

Решаю перекусить на закрытой веранде, а заодно провести несколько конференций с коллегами из-за океана, сверившись с часами. Моя роль в нашем браке предельно проста – благотворительность. Это отнимает колоссальное количество времени, но, к сожалению, не приносит даже половины пользы. Я могла бы сделать больше, даже если бы просто заехала с чековой книжкой в любой детский дом. Но в эти игры играют по другим правилам.

Моя еда правильная, сбалансированная и выращена без применения пестицидов и химикатов. А еще она практически лишена вкуса, не знаю, связано ли это одно с другим. Я ем строго по часам и определенные пропорции и уже забыла, каково это, когда ты ощущаешь голод или наслаждаешься каждым кусочком. Я делаю все, чтобы лишний вес больше никогда не вернулся. Что толку, что я наслаждалась теми жирными беляшами в забегаловке возле Казанского вокза-

ла? Двадцать пять кило лишнего веса. Вот к чему привело это наслаждение.

Как и обещала, после конференции и обеда иду на пост охраны. Получаю список гостей, которые проходили на половину Тимура за эту неделю. Среди паломничества голодных вагин, учуявших холостяка, встречается только одно мужское имя.

Василиса сказала, что он спал только с тремя... Что ж, в списке имен куда больше. Наверное, даже хорошо, что их было только три.

И две из них одновременно, сказала она.

Перед глазами снова возникает его запрокинутая шея. Как наяву помню, как дернулся кадык, когда Тимур сделал рванный вдох и облизал губы перед тем, как кончить.

Ужасное и непристойное воспоминание. Нужно выбросить его из головы.

Предупреждаю охрану о возможном визите Василисы и пешком, по мокрому гравию, мимо ярко-зеленых аллей, на которых никто и никогда не гуляет, направляюсь к дому. На половине пути сворачиваю вглубь ухоженного сада и прохожу мимо пустой лужайки. Здесь Сергей думал построить детскую площадку. И теперь этот пустой участок всегда бросается в глаза.

Вдали темнеет лес, это часть заповедника. Но, разумеется, Сергею позволили построить здесь частный дом. Кто бы ему запретил в этой стране?

Замираю при виде одинокого бегуна.

Это второй раз, когда я снова вижу Тимура.

Он бежит медленно, это скорее быстрая ходьба, но даже издали вижу темные круги пота на его футболке с длинными рукавами. Скорей всего, доктора уже разрешили ему бегать, чтобы разрабатывать связки, но от этого упражнения не стало приятнее.

На нем крепкие ботинки-полукроссовки, тогда как вся остальная одежда донельзя простая. Похоже, именно дорогая обувь и есть его слабость. Что те белые кроссовки, что эти – стоят кучу денег. Он же в них просто месит грязь.

Тимур не бегает по асфальтированным дорожкам или в спортзале в подвале особняка. В его ушах белеют беспроводные наушники, а сам он, петляя между деревьев, добегают до раскидистого канадского клена, прыгает и, схватившись руками, повисает на одной из широких ветвей.

Перехватив ветку удобнее, он начинает подтягиваться.

Не могу отделаться от ощущения, что я опять делаю что-то противозаконное. Я снова подглядываю за ним. Хотя теперь он один, полностью одет и занимается не сексом, а спортом.

Но мое дыхание сбивается, когда мышцы на его плечах и предплечьях вздуваются от напряжения, но он, наверняка царапая ладони о кору дерева, продолжает подтягиваться.

Он делает несколько подходов, и его спина темнеет сильнее. На нем низко сидящие спортивные штаны кофейного

цвета, и я заворожено гляжу на оголенные сверху крепкие ягодицы.

Он нарастил поразительную мышечную массу для футболиста. Как будто играл не в европейский футбол, а в американский, таким накаченным он выглядит. Возможно, он уже сделал окончательный выбор не в пользу футбола еще год назад, сразу после травмы. Ведь надеясь вернуться на поле, он не стал бы так сильно качаться.

Я знаю, что Тимур любит футбол.

И, пожалуй, это все, что я знаю о нем.

Ладно. Не все.

Еще у него большой член, как донесла светская разведка. Но большой член вряд ли поможет ему с карьерой.

Хотя... Зависит от карьеры.

Ему всего лишь двадцать восемь, а судьба уже отобрала у него то единственное, чем он когда-то бредил двадцать четыре часа в сутки. Я помню, что даже на нашу помолвку он явился с мячом. Долговязый восемнадцатилетний подросток, который постоянно перекачивал его ногами под столом.

Теперь мяча рядом с ним больше нет.

Тимур принимается поднимать ровные ноги, качая пресс. Даже издали я слышу его тяжелые выдохи между подходами. Это сложное упражнение, которое еще сложнее делать, если ты висишь на ветке дерева.

Как очарованная, слежу за тем, как грубыми рывками со-

кращаются его бедра и ягодицы. Мужская, какая-то животная энергетика, растекается под кожей давно забытым ощущением. Мышцы на его спине играют под промокшей от пота одеждой. В нем столько здоровья и тестостерона, что, наверное, хватит не только на двоих партнерш в постели. Но какая-то чертова связка в колене отправила его жизнь коту под хвост.

Пусть он до сих пор хромот, но в молодом, здоровом и крепком Тимуре все равно куда больше жизни, чем во мне. Мое уродство не так заметно, как его хромота, но я тоже неполноценная. И куда сильнее, чем он.

Я разворачиваюсь и ухожу раньше, чем он сможет заметить меня.

Мы не виделись неделю и пусть так и продолжается.

Глава 4. Тимур

– Тук, тук, есть кто дома?

Я только после душа, который принял после тренировки. На моих бедрах полотенце, но вряд ли это должно смущать неизвестную посетительницу, учитывая ее игривый тон, с которым она стучит в мою дверь.

Распахиваю дверь своей половины дома. У меня нет дво-рецких. И все посетители должны быть готовы к тому, что я могу быть не одет. Иначе могут не приходить.

Опасаться мне нечего. Территория дома охраняется чуть ли не снайперами. И раз уж эта женщина дошла до моей двери, я могу открыть ей беспрепятственно, даже будучи полу-голым.

Но полотенце едва не падает у меня из рук. За дверью оказывается та, которую я меньше всего ожидал увидеть. Особенно без одежды.

Божья Коровка.

Но стучала в мою дверь не она – мачеха просто топчется сзади. Ее заслоняет прямо на пороге, ослепляя меня глубоким вырезом своей тигровой кофточки, похоже, ее подруга.

– Ой, мы не вовремя? – ахает она, плотоядно улыбаясь.

По моему животу еще сбегает капли. Я стою на пороге, а на дворе не май месяц. Но не выгонять же их?

Да и как? Если это и дом Божьей Коровки тоже. Она от-

ворачивается, тогда как ее подруга уже трахает меня одним взглядом. Мне не нравится быть мальчиком для удовлетворения голодных теток. Пусть наймут жиголо и платят ему. Я трахаюсь только с теми, кого сам хочу.

И подружка Божьей Коровки явно не входит в их число.

Но мне нравится смотреть, как мачеха кусает губу, глядя на свои блестящие туфли. На ней мягкий свитер с высоким горлом, изящные штаны со стрелками, которые делают ее ноги офигенно длинными. И каблуки. Кажется, без них она вообще никуда не выходит. Учитывая ее рост, это понятно.

– Заходите, я только переоденусь.

– Ой, да что ты, – смеется блондинка. – Можешь оставаться и так.

В сердцах закатываю глаза, оставляю дверь открытой и, развернувшись, ухожу в спальню. Слышу, как блондинка громко шепчет:

– Ты видела его тело? У него восемь, мать его, кубиков! Охренеть!

Это будет, как минимум, забавно.

Натягиваю спортивные шмотки и футболку без рукавов. Кое-как расчесываю пальцами волосы. Пожалуй, я готов.

– Чем обязан? Меня зовут Тимур, но вы, наверное, это и так знаете.

Блондинка снова ахает и бросает восторженный взгляд Божьей Коровке, но та выглядит так, как будто ее сейчас стошнит.

– Василиса, подружка твоей...

– Мачехи, – подсказываю сам.

Божья Коровка напряжена, как струна, которая вот-вот лопнет. Между нами только пять лет разницы, но на самом деле – пропасть.

Василисе тоже тридцать с небольшим, ей скучно и хочется развлечься. Но лучше я сделаю так, чтобы скучающее выражение навсегда ушло с лица моей мачехи. Потому что я видел – она может быть другой, с горящими глазами и приоткрытыми губами. Еще не знаю, зачем мне снова пытаться вывести ее из себя, и куда это нас приведет, но образ Холодной Королевы, который она напяливает на себя, как привычную маску, пусть оставит для моего отца.

– Хотите выпить?

– Чаю, пожалуйста, – впервые произносит Божья Коровка.

Но никто не бросается исполнять ее желание и, оглядевшись, она скидывает одну бровь.

– У тебя нет слуг? Я ведь просила Венямина...

– Да, знаю, – прерываю я ее. – Он приходил, но я отказался. Не привык жить в доме с дворецким и толпой слуг. Я сам могу заварить тебе чаю.

Она смотрит так, как будто сомневается, что я вообще знаю, где кухня в моем крыле. Если она считает, что в академии футбола за мной бегали няньки и подтирали сопли, то она ошибается.

– А есть что-то крепче? – перехватывает мое внимание

Василиса. – Тебе ведь можно? Ну несмотря на... – она кивает на мою ногу, которую я вытянул, сидя в кресле.

– Конечно.

Василиса, кажется, вообще не понимает, что случилось с моими связками. Кажется, для нее я какой-то инвалид на антибиотиках, но ей это и не интересно. Важнее то, что у меня между ног. И чтобы это работало, как следует. А я уже доказал скучающим россиянкам, что хромота мне в постели не мешает.

Поднимаюсь и ухожу на кухню. По пути заглядываю в бар и беру виски. Она не уточняла, что будет. А запасы «Мартини» выдули на пару девочки еще три дня назад, после чего стали очень даже сговорчивыми.

Пусть Василиса скажет спасибо, что не водка. Больше ничего у меня не осталось.

Не знаю, какой чай пьет Божья Коровка, поэтому тыкаю наугад в батарею разноцветных коробочек. Выхожу и протягиваю сначала горячий чай. От сахара она отказывается. Ясно, на диете.

Василиса удивляется выбору алкоголя, но отступать поздно. Она чокается со мной, а потом делает глоток и принимается флиртовать напропалую.

Божья Коровка едва ли сказала с десятков слов за весь час, что безостановочно трындела Василиса. Божья Коровка сидит так, как будто штырь проглотила. Ровно, на самом краешке, расправив плечи, так что ее скромная грудь снова ка-

жется больше. Свитер на ней такой мягкий, что, кажется, она завернулась в облако. Ноги скрещены в лодыжках, разуваться она не стала.

Она пьет свой долбаный чай, как на приеме у английской королевы. С таким же кислым выражением лица, а еще ей совершенно неинтересно, что я рассказываю о жизни в Англии, хотя я делаю это даже не для Василисы. Больше для нее. Один раз за весь час она позволила себе мимолетно улыбнуться, а я чуть не завилял, как щенок.

Тем хвостом, что у меня спереди.

Она вся такая неприступная, строгая и стерильная, что ли. Ее хочется раздеть и как следует оттрахать, чтобы убрать с лица неживую маску. Чтобы бледные восковые щеки вспыхнули настоящим румянцем. И меня рвет на лоскуты при виде нее такой.

Она словно живая идеальная мумия.

Но я видел, как горели ее глаза, когда она смотрела на меня в тот вечер. Я, черт возьми, кончил именно из-за ее взгляда, а не стараний Лали. А теперь ее зеленые глаза – как стоячая болотная тина, из которой разве что утопленников вытаскивать.

Да, это было недопустимо. За гранью. Запретно.

Она вторая жена моего отца, красивая картинка рядом с успешным политиком. Но почему я не могу отпустить ее?

Глава 5. Ксения

Я была в левом крыле еще до приезда Тимура, проверяла все необходимое. И тогда эта часть дома была лишена индивидуальности. Разве что можно было уловить запах полироли для паркета, средства для очистки стекол и зеркал. Свежего белья.

Сейчас эта часть дома пахнет жизнью.

Я не знаю, почему именно жизнью, но этот терпкий мускусный запах с нотками мяты стойко ассоциируется у меня именно с бьющей ключом жизнью. И исходит он от Тимура.

От его влажных после душа волос, от его кожи. И одежды. Воздух в этом крыле дома уже пропах его гелем для душа, одеколоном и индивидуальным, присущим только ему запахом. Украдкой я делаю глубокий вдох, втягиваю носом воздух, пытаюсь разделить его на молекулы. Почувствовать каждый запах в отдельности, чтобы каталогизировать его в своей личной картотеке.

Не уверена, что это так, но я чувствую даже остатки цветочных сладких духов. Если любовницы ходят к нему табунами, то все «Шанели», «Диор» и «Ланком» теперь перемешались в этом воздухе, который совершенно пропитался тестостероном и сексом.

Не знаю, где он занимался с ними сексом, но, наверное, в холле они и начали. Может быть, на этих самых диванах и

креслах. А после переместились в спальню. Ведь, наверное, втроем это удобнее делать на кровати?

Он трахал их одновременно или по очереди?

Мой интерес к сексу не имеет никакого двойного дна. Это просто та грань жизни, которая мне не доступна. От которой я не получаю удовольствия и не понимаю, что люди находят в этом. Отчего сходят с ума и позволяют кому-то безраздельно владеть своим телом.

Василиса игриво крутит волосы на пальце, выгибается, чтобы чокнуться с Тимуром очередным наполненным бокалом. Да, он стал чертовски красивым мужчиной. Именно мужчиной. В какой-то момент из долговязого подростка за своим Ла-Маншем вдруг превратился в крепкого, сильного мужчину, от взгляда которого женщины всех возрастов теряют голову.

Мне любопытно наблюдать за ним.

Вот и все.

Хотя я делаю все, чтобы скрыть свой, даже такой интерес. Не могу открыто пялиться на его рот, на красивые крупные губы. Все черты лица Тимура крупные, но это совершенно его не портит. У Сергея, например, нет таких губ, хотя нос у них с Тимуром одинаковый. Я не помню его первую жену, так как никогда ее не видела, но получается, губы и ресницы Тимур достались от мамы.

Тимур и сам довольно крупный мужчина, а еще высокий и достаточно тяжелый. Не представляю его в постели сверху,

потому что такой, как он, должен просто раздавить такую, как я.

Это просто пример. Ничего больше.

Наверное, поэтому в его присутствии мне хочется быть, как можно дальше. Ради собственной же безопасности.

Тимур приносит мне еще один чай, а бутылка виски стремительно пустеет. Василиса уже бросает мне недвусмысленные взгляды. Я не против того, чтобы оставить их наедине.

Избегая смотреть на Тимура, ссылаюсь на неотложные дела. И ухожу.

Когда дверь за мной закрывается, Василиса говорит громко и весело, а Тимура, кажется, ни капли не смущает разница в их возрасте.

Обхожу дом по кругу, поднимаюсь по лестницам на свою пустую половину. Нет поводов менять свое расписание, поэтому я поднимаюсь в спальню, беру купальник. Спускаюсь в подвал, принимаю душ и переодеваюсь. Ныряю в гладкую синеву бассейна и нарезаю круги так, что мышцы скоро вспыхивают огнем.

Мне приятно эта боль. К тому же она единственная, которую я ощущаю.

Плаваю долго. Сердце уже быстрее бьется в груди, но мне все мало. Я зло отталкиваюсь от противоположной стены и плыву. Слишком быстро доплываю до другого бортика, так и не охладившись, и снова переворачиваюсь. Только шум воды в ушах и тяжелое дыхание над водой. Больше ничего не

должно меня волновать.

Занялся ли он уже с ней сексом? Или опустил перед собой на колени?

Неужели его большой член стоит этого?

Я видела достаточно богатых мужчин, перед которыми женщины становились шелковыми. Но их поведение всегда чем-то объяснялось — деньги, власть, выгода. Но с Тимуром это правило не работает. Василиса не хочет за него замуж, это я знаю точно. И денег у нее даже больше, чем у самого Тимура. Она просто хочет себе его тело. И член тоже в себе. Пусть и всего на одну ночь.

Но почему?

Что в сексе такого?

Разворот и снова отталкиваюсь ногами. Плыву быстрее, работаю ногами и руками. Когда-то я думала, что мое низкое либидо объясняется лишним весом. Но теперь мой вес близок к идеалу, а либидо все так же стремится к нулю.

Видимо, секрет в чем-то другом. Но я устала искать ответ.

Случайно глотаю воду и, откашливаясь, останавливаюсь. Сердце ходит ходуном, тренировка не вымотала. Наоборот, только разозлила.

Замираю на середине бассейна, покачиваясь на воде. Я не слышу ничего, кроме шума воды. Мне нужно вернуть равновесие. И восстановить дыхание. Но мысли настойчиво возвращают меня в левое крыло дома, где осталась моя подруга.

Может, я должна была запретить ей делать это с собствен-

ным пасынком? Впрочем, он ведь давно не ребенок. И я уж точно не вправе контролировать то, куда ему можно совать свой член, а куда нельзя.

Дыхание рваным выдохом вырывается изо рта. Только шум воды и ничего больше, но мои руки почему-то оживают и скользят вдоль мокрого тела. Кончиками пальцев пытаюсь воскресить бесчувственное тело. Вернуть к жизни красивое, но такое бесполезное тело.

Вдруг снова вижу, как наяву, сильную крепкую спину с потемневшей от пота футболкой. Как напрягаются канаты вен и вздуваются от напряжения мышцы. Кто мог подумать, что это зрелище будет завораживать даже сильнее, чем какая-нибудь мировая известность, которых я видела достаточно, но даже при виде Лео Ди Каприо у меня не пересыхало во рту.

Закрываю глаза, качаясь на волнах. Ищу спокойствие, которое ускользает от меня из-за стальных серых глаз. Ни один мужчина не глядел на меня так, как Тимур глядел на ту светскую шлюху. С голодным вождением. Опасаясь ответить или прикрыть глаза. С жадным искушением рассматривая движения губ и языка.

Какой он на вкус?

Веду пальцами по узкой талии все ниже, отвожу большими пальцами завязки бикини.

Но в тот же момент останавливаюсь.

Что я, Господи Боже, творю? О чем думаю?

Мне тридцать три года, я богата и у меня идеальное тело. Но из-за него я завидую какой-то шлюхе.

Как можно такому завидовать?

Как о таком можно вообще думать? Неужели я забыла, кто я?

Отпускаю трусики и веду по плоскому животу выше. Безошибочно касаюсь едва заметного крохотного шрама чуть ниже пупка. Кожа вокруг него немного неровная.

И об этом я тоже не забыла.

Выбираюсь из бассейна и долго принимаю действительно ледяной душ. Задавливаю в зародыше идею позвонить на пост охраны и узнать, здесь ли еще Василиса. Мне нет до этого никакого дела.

В своих дорогих, покрытых грязью ботинках, Тимур ворвался в мою размеренную жизнь. Мне не стоило видаться с ним сегодня. Я ведь почти вошла в нормальную колею за прошлую неделю. А теперь такое...

Пусть Василиса сама с ним встречается, если у них еще будут встречи.

На этот раз без меня.

Глава 6. Тимур

Божья Коровка прячется от меня всю следующую неделю.

Черт его знает, чем она занята каждый день, пока отца нет дома. Я даже хотел спросить у нее совета, как так вышло, что у безработной Ксении день расписан по минутам, тогда как я сам по-прежнему не знал, чем заняться.

С ее подружкой я спать не стал.

Думал встретиться с Божьей Коровкой и намекнуть, что у нас ничего не было, но она постоянно ускользала. С другой стороны, непонятно, почему я решил, что должен перед Божьей Коровкой вообще отчитываться, кого я трахаю или нет.

Василисе я сослался на то, что у меня болит колено. Прослыл в ее глазах чертовым импотентом, но пусть думает, что хочет. У меня не стоит на скучающих теток.

Вернее, стоит только на одну.

Да и та, похоже, не сильно скучает.

Отдинамил подружку Божьей Коровки, но не прошло и суток, как ко мне заехала одна из двадцатилетних пигалиц, у отца которой бизнес с моим отцом, а еще она хотела передать привет от Лали.

Я устал от паломничества светских подстилок и безделицы, от которой готов был лезть на стены, а еще я никогда не был монахом. Она взяла в рот, дала в задницу и вообще всячески старалась, чтобы именно наши отношения стали неза-

бываемыми и вечными.

Черта с два.

Уже на следующее утро я не вспомнил даже ее имени, но еще через день ко мне явилась сама Лали. При виде очередной шлюхи я готов был биться головой об стену.

В этот раз я вызвонил Марата. У него был как раз перерыв между сборами и играми, так что его выпустили с базы. Лали удивилась появлению Марата, но уже через полчаса не пожалела, что приехала.

– Seriously, как может надоест трахать цыпочек? – спросил Марат, когда мы выпроводили девушку. – Ты чего, Тим? Тебе там яйца не отрезали, когда хирург скальпелем колено чинил?

Я как раз захлопнул дверь за пьяной от оргазмов после тройничка Лали. Зря, наверное, сказал правду. Марат не поймет. У него есть карьера, а еще здоровая нога. И ему никогда не наскучат киски.

– Просто схожу с ума в четырех стенах.

– Скучаешь по играм?

Пиздец как. Променял бы всех отполированных кисок на возможность выйти на поле.

Но вслух ничего не сказал. Мужики не делятся слезливыми историями, а отказ от секса Марат тоже не поймет. Как и то, кого я действительно хочу. Но почему?

– А чем думаешь заняться? Небось, будешь протирать штаны в каком-нибудь отцовском небоскребе? Своя давал-

ка-секретарша, закрытые совещания, шестизначные зарплаты. Красота.

Я налил нам виски.

Офисная работа никогда не была пределом моих мечтаний. Я был спортсменом, но отец никогда не относился серьезно к моим увлечениям, хотя и давал на них деньги. Спонсировал спортивные школы. Присутствовал на открытиях турниров. Но я видел в его глазах, что он ждал, как однажды я наброшу на шею удавку в виде галстука, сожгу к херам спортивные шмотки и начну заказывать костюмы на заказ у крашенных пидорасов. Но я по-прежнему не горел желанием, чтобы какой-то напмаженный мужик с писклявым голосом трогал мою задницу, пока примерял на мне сшитые на заказ брюки.

И все же.

Я был пустым местом. Все титулы и победы остались в прошлом. На горизонте только выжженная земля.

И все из-за гребанной травмы. Я получил ее на ровном месте. На тренировке, блядь.

Даже не на каком-то супер важном матче, на котором я мог бы стоически вытерпеть боль и свалиться на носилки врача под героические аплодисменты зрителей после победного матча.

Хрена с два.

Я рухнул, как подкошенный, пока трибуны пустовали, и никто не требовал от меня геройски завершать тренировку.

Диагноз прозвучал как приговор.

Желание отца исполнилось. С футболом покончено. Я пытался, но не смог. Я приехал домой, как он и обещал мне, когда только отправлял в Англию, ни с чем. Его слова сбывались – мое место было не на Туманном Альбионе, а в России. Рядом с ним.

Хер его знает, почему он так за меня держался. У него была молодая жена, но других детей так и не было. Поначалу я ревновал к потенциальным братьям и сестричкам, но их все не было, а еще я поумнел. Решил, что новый сын отведет от меня пристальное внимание отца. А на жизнь я и так хорошо зарабатывал.

Теперь мои сбережения стремительно таяли.

А других детей Божья Коровка ему не родила.

Почему? Они что, не трахались? Я не хотел даже думать об этом. Но и не мог думать ни о чем другом.

Помешательство какое-то.

Когда отец дважды приезжал домой, я внимательно следил во время завтрака за поведением Божьей Коровки. Недосып? Темные следы под глазами? Немного охрипший от стонов голос? Счастливые лучистые взгляды, полные благодарности?

Ни черта.

Холодная, неприступная королева, стянутая и застегнутая на все пуговицы. Никогда ее одежду нельзя было назвать вызывающей. Будоражащей воображение. Она одевалась как

сельская учительница в разгар климакса, а ведь я видел и знал, что у нее идеальное тело. Спортивное, подтянутое. Может, есть шрамы от операций? Может она все-таки отрезала часть кожи после похудения?

Но потом я убедился, что нет. Я забрел в один из дней в бассейн в основной части дома. Шел дождь, а мне нужно было разрабатывать ногу. Я и так филонил, но колено стало давать о себе знать, так что я проклинал даже лестницы на второй этаж, пока поднимался.

Поэтому я решил поплавать.

Правда, бассейн оказался занят.

Я замер, глядя, как она рассекает. Гибкая, стройная, как балерина. Она тянула носки, как будто танцевала на воде. Руки мелькали, не поднимая брызг. Но лучше всего смотрелась попка в черных узких стрингах. В горошек.

Я чуть не заржал в голос, когда увидел горох на ее купальнике.

Божья Коровка развернулась у противоположного бортика и все также на спине поплыла обратно. Все-таки единичка. Могла бы сделать грудь, эдакие силиконовые подушки безопасности, как у ее Василисы. Даже у Лали грудь была не своя, в ее-то двадцать с небольшим.

Я так внимательно следил за тем, как вода бьется о ее грудь, что совсем забыл о том, что не стоило этого делать. Она дернулась всем телом, когда заметила меня, и тут же нырнула в воду, оставляя на поверхности только плечи. За-

стыла у бортика.

Темные волосы облепили голову. Я впервые увидел ее без макияжа. Да, Божья Коровка и так не красилась ярко, но у нее на губах всегда была помада. Еще к ней ежедневно приезжал стилист, так что наверняка он что-то с ней делал, чтобы это выглядело естественно.

Сейчас же она выглядела, как есть.

Темные круги под глазами действительно были. Но, уверен, с бессонницей из-за секса они не имели ничего общего. Губы бледные, поджатые. Снова. Как же меня бесили ее поджатые губы. Как будто ей было противно мое присутствие.

Я бы купился на это, если бы не видел ее в тот вечер, в полумраке зимнего сада. Голодный темный взгляд, который я перехватил. Она могла смотреть на меня иначе, но больше никогда этого не делала.

– Классная задница.

Она поджала свои чертовы губы только сильнее. Да чтоб тебя, Божья Коровка.

Я подошел к краю бассейна, держа ее взгляд на крючке. Она смотрела только мне в глаза. А ведь я был в одних плавках. И точно помню, как в тот день, когда они с Василисой застали меня после душа, ее глаза метнулись к моему голому торсу. В них промелькнуло что-то похожее, как в тот вечер, но слишком быстро. Слишком мимолетным.

Что я делаю, черт возьми?

И зачем?

Почему мне хочется вытащить на белый свет ту настоящую Божью Коровку? Которой она была десять лет назад, когда хохотала в голос над анекдотами моего отца. Когда смотрела на него с обожанием. Сейчас я ни разу не слышал ее смех. Улыбки видел только заученные, светские. Что с ней произошло такого, что она разучилась улыбаться?

Я опустил на бортик.

– Серьезно, офигенно выглядишь. Неудивительно, что я тебя сразу не узнал.

Ничего не говорит. Только шевелит руками и ногами, чтобы удержаться на воде.

Чертова ведьма, разлепи же свои губы.

– Обычно я бегаю, но сейчас дождь вторые сутки... А мне надо разрабатывать колено.

Холодное молчание. Вообще-то тебе должно быть жалко меня, Божья Коровка. Моя жалостливая история с коленом всегда срабатывала.

– Я уже закончила.

Голос такой же холодный, как сдохшая жаба.

Бессердечная ты сука, Божья Коровка.

Она подтягивается тут же, руками упираясь в бортик. Как будто наслаждается тем, что я не могу отвести глаза в сторону. Просто смотрю как дебил, у которого скоро слюна начнет капать при виде нее, как она ловко подтягивает гибкое тело, ставит одно колено на бортик. Потом второе. Выпрямляется.

С ее тела градом течет вода, я понимаю, что хочу слизать

эти капли. И охуюваю с этого желания, потому что в этот момент у входа в бассейн появляется отец.

И эта женщина – его жена. Моя мачеха.

Сука, как же я влип.

Он глядит на Божью Коровку тем же непроницаемым взглядом, который так хорошо мне знаком. Он также выслушивал истории о моих победах, когда я приносил чемпионские медали.

А она стоит перед ним голая, мокрая, и на коже медленно проступают мурашки.

– Звонят из Костромы, – говорит мой отец. – Просят тебя, там что-то срочное с тем переводом на операцию.

– Спасибо, я иду.

Она вдевает ноги в резиновые тапочки и набрасывает на тело халат до пят. Отец уже исчез. В доме, где полно слуг, ему, наверное, не нравится быть мальчиком на побегушках.

– Останься на ужин, – вдруг бросает Божья Коровка. – Отцу будет приятно.

Черта с два, хочу ответить я, но вместо этого киваю.

– Ужин в девять.

С этими словами она уходит.

Она хочет меня видеть. Не отец. Если бы отец хотел, он бы сам позвал меня на ужин. А меня хочет видеть именно Божья Коровка.

А я ухожу под воду с головой, потому что впервые во мне так много воздуха, что кажется, я готов взлететь, как чертов

шарик.

Глава 7. Ксения

Тимур живет у нас уже вторую неделю, но следующие семь дней Сергей занимается делами в России. А это означает, что семейные завтраки становятся обязательными и ежедневными.

Анжела приезжает только после завтрака, а это значит, что к столу я выхожу, как есть, без макияжа, разве что умывшись и расчесавшись. При резком дневном свете на моем лице видны морщинки в уголках глаз и губ, но меня это никогда не волновало так, как теперь. Через четыре таких завтрака я прошу Анжелу впервые приехать ни свет, ни заря. И в пятницу выхожу при полном макияже, с ним я чувствую себя защищенной.

Но на лице Тимура написано разочарование. Сергей в этот день, по закону подлости, пьет только кофе и уезжает даже раньше, чем мне подают овсяную кашу на воде.

Я остаюсь наедине с Тимуром.

– Ты стала краситься даже к завтраку?

Ковыряю ложкой грейпфрут и легкомысленно пожимаю плечами. Какое ему дело? Хотя внутри меня все дрожит и вибрирует, но, наверное, от голода, а не потому, что он заметил.

Он вдруг перехватывает мою руку. Я пугаюсь его резкого прикосновения и отдергиваю ее, как будто обжегшись.

– Что ты творишь?

– Всего лишь взял тебя за руку. Зато теперь ты смотришь мне в глаза. Нет, не отводи их опять в сторону. Посмотри на меня, Божья Коровка!

Снова. Эта. Дурацкая. Кличка.

Из вредности закрываю глаза. И слышу:

– Блядь! Да что с тобой такое?

– Во-первых, не смей прикасаться ко мне. Во-вторых, меня зовут Ксения. И точка. Никаких насекомых. Никаких кличек. Никакого мата. Ясно?

Он отпускает меня.

– Барыня Ксения Михайловна, – елеино тянет Тимур. – Вашу кашу принесли. Кушайте, пожалуйста.

Открываю глаза. Но никакой каши нет. Обвел вокруг пальца. А ведь как знала! Не слышала же шагов или звона посуды.

В этот момент слышу щелчок дверного замка. Дергаюсь всем телом. Закрыв дверь столовой, Тимур, хищным медленным шагом, идет прямо на меня.

– Встань.

Цепляюсь в белую скатерть до побелевших пальцев. Он это видит, а поэтому просто сжимает мое плечо и рывком ставит меня на ноги.

– Когда я говорю, ты делаешь. Понятно?

Что он себе позволяет? Я медленно качаю головой.

– Нет, ты меня выслушаешь.

Он цедит слова с невероятной яростью, выплевывая их, как шелуху от семечек. Какого черта он такой злой сегодня утром?

– Что, вчера ни одна честная давалка не навестила?

– Блядь, – снова ругается он. – Нет, ты правда хочешь знать именно это? А хотя да... Тебе ведь это понравилось. Хочешь я буду за завтраком рассказать тебе, как мне вчера отсосали?

– Это все?

Он кривит свои губы, а лоб прорезают глубокие морщины. Сейчас я на каблуках, конечно же. И только поэтому могу практически смотреть ему в глаза, мы на одном уровне.

Внутренне я вся дрожу от мысли, как же это должно быть страшно, если он будет нависать надо мной, в то время, когда я буду без обуви. Без спасительных сантиметров, которые добавляют мне значимости.

– Не все.

Его палец вдруг ложится на мои губы. Он давит им так сильно, что кривит мой рот, одновременно с этим размазывая губную помаду по щеке.

– Тебе это не нужно. Поняла? Не по утрам точно. Можешь отправить своего стилиста к чертям, потому что с этим ты выглядишь лет на десять старше.

Вряд ли это правда. У меня тоже есть глаза, и я смотрюсь в зеркало.

Но сейчас я не готова спорить. Не тогда, когда его боль-

шой палец все еще на моих губах. Очерчивает контур рта. Проникает внутрь. Скользит по нижней губе, и при этом стальные глаза темнеют под натиском расширяющихся зрачков.

Он стоит так близко, что его запах заполняет мои стерильные легкие. Я не чувствую запах собственной косметики и духов, но я ощущаю запах кожи Тимура. Чертовы нотки мяты и сандала, а еще все тот же мускусный мужской аромат.

Коктейль из секса, пота и чего-то еще, о чем я просто не знаю. И никогда не должна узнать.

Он превратил мое лицо в уродство, но я не могу сбросить его руку и не могу велеть ему прекратить. Он смотрит на мой рот и то, как его палец скользит по моим губам. Задевая щеку, подбородок.

Я почти не дышу. Для меня и так слишком много ощущений. Запахов. Станных необъяснимых вибраций, от которых мои коленки готовы вот-вот превратиться в желе.

Тимур сильнее давит на мою нижнюю губу, заставляя приоткрыть рот.

Его большой палец проникает в мой рот. И мои губы вдруг смыкаются вокруг. Его кожа солоноватая на вкус, и это единственное, что я способна проанализировать. Все происходящее и так находится за гранью моей реальности.

– Оближи.

Я не двигаюсь.

И тогда Тимур убирает руку, но тогда же берет мою руку,

высовывает язык и проводит по центру моей ладони.

Я хватаю ртом воздух, не веря в то, что это действительно происходит со мной. И с ним.

Господи. Он только что облизал мою руку. Зачем?

– Видишь? – говорит он. – Это не так сложно.

Тимур снова ведет самым кончиком языка по моей раскрытой ладони, при этом по-прежнему глядя на меня. Мне щекотно, но смеяться не хочется. Мне жарко, влажно, а еще душно. Испорченный макияж ерунда в сравнении с тем, что он сейчас делает со мной. Переступает какую-то очередную грань между нами, а я не уверена, что успею воздвигнуть новые стены. А мне важно, очень важно держаться от него, как можно дальше.

Он крепче перехватывает мою ладонь на этот раз обеими руками, а потом говорит:

– Представь, что я делаю так у тебя между ног.

А после снова лижет раскрытую чувствительную кожу, ведет языком по линиям, читая мое будущее, обрекая меня на то, чтобы помнить, весь остаток жизни помнить каждое чертово мгновение этого нереального утра.

Его голова так низко склонилась над моей рукой, что я могла бы запустить другую, которая безвольно висит вдоль тела, в его жесткие волосы. Потянуть сильнее, показывая, как мне нравится. Или не нравится. Но я стою, как громом пораженная, пока языком он выводит на моей коже восьмерки и круги.

Дверная ручка вдруг дергается.

Дай бог, чтобы это были слуги, а не Сергей.

Это помогает скинуть морок. Второй рукой я бью Тимура по щеке. Удар выходит смазанным и ему вряд ли больно. Но получается хотя бы громко.

Тимур выпрямляется. Хватается за щеку, отпуская меня.

– Не смей. Меня. Касаться, – выплевываю каждую букву с презрением.

Хватаю со стола салфетку и прикрываю лицо. Открываю дверь и едва не сбиваю с ног слуг со своей овсянкой.

Больше никаких чертовых завтраков в семейном кругу.

Потому что мы с ним никакая не семья, как бы Сергею не хотелось обратного.

Глава 8. Тимур

Я больше не могу смотреть на водку, виски и джин, а еще у меня больше не встает. Плевать, какая лакшери шалава на этот раз облизывает мой член. Не мужик и ладно.

– Бля, чувак. Ты что, вообще не уходил отсюда?

С трудом раскрываю глаза. Передо мной стоит Марат. Мы пришли в клуб вместе, но какого черта он делает вид, что уходил, а я остался? Это гребанная шутка?

– Тим, прошло два дня.

Ах, вот оно что. Два дня назад, когда я чуть не трахнул свою мачеху.

Пожалуй, если я все еще помню об этом, то я слишком мало выпил.

– Да стой ты! Куда тебе еще? Ты вообще ел хоть что-то?

Пожимаю плечами. Говорят, водка очень калорийная. Мне хватит, чтобы не сдохнуть. Хотя эти шлюхи даже не заметят, если я сыграю в ящик.

Одна из них продолжает трудиться над мои вялым другом. Но там полшестого. Без вариантов. Тяну ее за волосы, заставляя оторваться.

Размазанная помада на ее губах напоминает о том, что я пытался забыть все эти два дня.

– Убирайся. И ты тоже, – бросаю Марату.

Мне мало. А он мешает.

– Чувак, да что с тобой?

Ну, у меня стоит на мачеху. Сойдет?

– Все будет хорошо с твоим коленом, – успокаивает Марат.

Ах блядь, у меня же еще и колено. И жизнь пошла по бороде. Нет повода не выпить.

– Завязывай.

Марат отодвигает бутылку в сторону.

– Серьезно, с тебя хватит, Тим. Ты похож на труп. Пропиртованный уродец из кунсткамеры. Давай на выход. Seriously, два дня? Неужели ты провел на этом диване два дня?

Это было не сложно. Не понимаю, чему он так удивляется.

Ноги меня не слушаются. Чертово колено простреливает острой болью. Все эти два дня я, конечно, его не разминал и не разрабатывал. Секс по-собачьи не в счет.

Кое-как Марат помогает мне встать.

Блядь, я жалок. И от меня несет помойкой. А еще я все равно не забыл, как сильно хотелось убрать с ее лица эту помаду. Она мне так нравилась тем, что по утрам не была накрашенной. Не превращала свое лицо в маску, что я взбесился, когда снова увидел ее боевую раскраску.

Марат грузит меня на заднее сидение своего огромного внедорожника, а после чешет затылок.

– Тебе бы прокапаться, но черт возьми... Засечет пресса, отец тебе пропишет такой пиздец, рад не будешь. А ну, дай свой телефон.

Да просто пусть отвезет меня домой. Или нет. Лучше не домой. Там она. Просто куда-нибудь отвезет, где я смогу сдохнуть. От боли в колене.

И голове.

И где-то между ребер, где сроду ничего не болело.

– Ага, ага. Я понял, – с этими словами Марат садится за руль, трогается, а после я прихожу в себя уже в каком-то стерильном помещении, где все такое белое, что аж глазам больно.

Болит по-прежнему все.

Хочу перевернуться на другой бок, но чьи-то холодные пальцы впиваются в мою руку, не давая мне дернуться.

Сука, теперь у меня еще и белочка. Это ведь не может быть она?

Но надо мной, поджав губы, действительно склонилась сама Божья Коровка. И именно она держит меня за руку. В которую воткнута игла. А над головой раскачивается пакет с каким-то раствором, который, очевидно, должен поднять меня на ноги.

Но вместо этого поднимается что-то еще.

Сейчас? Серьезно?

Нет, я слышал, что мужской организм несколько примитивен, но неужели настолько?

Брови Божьей Коровки медленно ползут вверх, когда она переводит взгляд на мой пах. Мягкие спортивные штаны не скрывают палатку.

И теперь, когда она смотрит на мой член, стояк становится только увереннее.

Вот сейчас, пожалуй, самое время подохнуть. Но колено больше не болит, сердце бьется нормально, хотя и царапается о ребра, как будто стало больше. А в желудке больше не плещется кислота. Ее прикосновение работает куда лучше, чем раствор глюкозы.

– Убери руку.

Мой голос хриплый, посаженный. Как у алкаша. Которым я, собственно, сейчас и являюсь.

– Так это у тебя от того, что я просто взяла тебя за руку?

Но пальцы она все-таки разжимает. Подействует не сразу, но должно. Закрываю глаза и вспоминаю мокрый рот проститутки.

Вот, помогло.

Дышу ровнее. Напряжение спадает. Отлично.

И тут она снова берет меня за руку. И даже гладит пальцем мою ладонь.

Будь я проклят!

В этот же момент Божья Коровка хмыкает. Впервые. Это еще не смех, но уже кое-что.

– У тебя опять встает, – весело сообщает мне она, как будто я не знаю.

Она убирает руку, и я впервые вижу на ее накрашенных губах что-то отдалено напоминающее улыбку.

Член в штанах дергается. Не стоит благодарности, назы-

вается.

– Где я? – откашливаюсь я.

– Мне позвонил Марат. Описал твое состояние. Я не придумала ничего иного, кроме как привезти тебя в клинику к своему косметологу. Я достаточно плачу ему за конфиденциальность, а у меня нет в этом городе знакомых врачей, кто бы не растрезвонил всем СМИ о твоём состоянии. Ну или я могла привезти тебя к бабушке.

Я улыбаюсь в ответ. Бабушка у меня гинеколог, вряд ли это хорошая идея.

– Спасибо.

Короткое слово дается тяжелее всего. В рот словно сено напихали. Каждая буква царапает глотку.

– Не стоило так надираться, – мягко говорит Божья Коровка. – Я думала, ты спортсмен.

– Бывший.

– Но жизнь ведь продолжается.

– Да что ты знаешь о неудачах? – это звучит грубо, но я не могу остановиться.

Она каменеет в углу кабинета. Идеальная в своём облачении, строгая мачеха, которая пришла на помощь пасынку. Стянутые в ракушку волосы, нитка жемчуга на блузке и приталенный пиджак. Юбка старушечьей длины и каблуки.

Я бы поверил, если бы не видел огонь в её глазах в тот вечер. Но иногда мне кажется, что я сам его придумал. Особенно, когда она смотрит на меня непроницаемыми зелены-

ми глазами.

– Ты в двадцать четыре вышла за моего отца и горя не знала, не так ли? Всегда были деньги. Всегда была орда слуг, готовых исполнить твоё желание. Разве тебя когда-нибудь ломали так, что ты не могла подняться с постели по утрам? Отбирали то, чего ты хотела больше всего на свете, и говорили, что больше никогда, больше никогда, блядь, этого не будет! Что ты знаешь о неудачах, Божья Коровка, что взялась меня учить уму-разуму? Ты всего лишь на пять лет старше меня, но ведешь себя, как будто на все двадцать!

С её лица сбегает вся краска. Губы кривятся, как будто она сейчас заплачет. Но она тут же берет себя в руки. Неприступная, бледная и замкнутая. Её выдержка бесит меня, потому что рядом с ней я не могу держать себя в руках. А вот она может.

– Я буду в машине, – она разворачивается и уходит.

А я...

Опять все испортил.

* * *

Божья Коровка снова исчезла.

Теперь я знаю, что все без толку. Бухло не поможет мне в том, чтобы выкинуть её из головы. Теперь в моей голове только она.

Я вижу её в каждой случайной встречной. И каждый раз,

когда темноволосые незнакомки оказываются кем-то еще, в груди что-то неприятно покалывает.

Чертова реберная невралгия. Доконает меня.

Что мне делать? Хер его знает. Примерно также я ощущал себя, когда только узнал о разрыве связок. Не мог принять. Отрицал. Спорил с врачом, не верил, даже когда смотрел на снимки МРТ. Этого просто не может быть со мной. Не в двадцать восемь на пике карьеры. Я отдал всю жизнь футболу. Покинув Россию в восемнадцать, я был уверен, что никогда не вернусь сюда. Разве что только ради участия в турнирах. Я никогда не ездил даже к отцу на каникулы. А кто бы стал, когда тебе уже больше восемнадцати?

Раз в полгода я приезжал только к матери в даунтаун.

Представляю ее лицо, если скажу, что... Гребаный стыд. Что я... что? Хочу увести у отца его вторую жену?

А я хочу?

– Тимур, ты слышишь меня?

Отец смотрит на меня. Вот он, тут. Ведь я уже давно не в Лондоне, я в Подмоскowie. Мы сидим за одним столом во время очередного дьявольского бесконечного завтрака, с которых Божья Коровка научилась сбегать, а я – нет.

Твою мать, в какой момент я свернул в этот тупик? И как из него выбраться?

– Поедешь со мной? – повторяет свой вопрос отец, а я смотрю на него и думаю.

Ну ведь, по сути, он мне чужой человек, а?

Конечно, блядь. Всего лишь кормит, крышу над головой бесплатно дает, обучение в лучшей академии футбола оплатил и не в Зажопинске, а в Лондоне. Жизнь дал. А так – да, хер пойми, что за мужик сидит напротив и прямо-таки светится от идеи, что я могу заинтересоваться его гребанной работой.

Киваю, потому что в горле пересохло.

Я просто неблагодарный скот, вот я кто. Ну какая нахрен Божья Коровка? Почему мне сдалась именно она?

Натягиваю пиджак, галстук и сажусь в машину.

Мы едем после завтрака мимо дворов и развалин куда-то на север Москвы. А ведь я забыл, что жизнь может быть другой за пределами частных особняков. Знал ли я когда-нибудь реальную жизнь? В высотках, на оплеванных лестничных клетках? Нет. Работал ли я когда-нибудь, чтобы исполнить мечту и играть? Нихуя. Это отец оплачивал каждую мою хотелку, хотя и ненавидел все, что было связано с футболом. Надеялся, что однажды меня отпустит и что это просто прихоть.

Кроме себя и своих связей, мне даже обвинять некого в том, что я просрал такой шанс. Остался у разбитого корыта, так еще и бабу захотел не абы какую. А ту, что уже десять лет зовется моей мачехой.

– А чем... Ксения занимается? – откашливаюсь я, пока мы стоит в очередной пробке.

Отец отвечает, не отрываясь от экрана ноутбука.

– Благотворительностью. В основном... Создает видимость работы. Все, что от нее требуется, это вовремя появляться на нужных мероприятиях и заводить знакомства с нужными мне людьми.

От цинизма его ровного голоса мне вдруг также тошно, как было на третий день запоя. А еще становится предельно ясно, что если соглашусь вставать по будильнику и сменю треники на костюмы, то отцом мне уготована та же роль. Я буду работать на него и его связи. Никакой самостоятельности.

– Но она ведь... очень много работает, – неуверенно говорю. – Ее почти дома-то не бывает.

Отец пожимает плечами, не переставая изучать графики нефтяных котировок.

– Бабские заморочки. Уверен, в салонах и магазинах она проводит куда больше времени, чем на работе.

Мы приезжаем на очередной форум какого-то комитета при поддержке самых главных людей страны, где в течение трех часов тупо сидим и смотрим левые слайды в «PowerPoint», которые обязательно должны помочь бедным и не навредить богатым.

Замечаю, что депутат по правую руку от меня заснул, а журналисты потихоньку смываются, сворачивая оборудование.

– Сейчас вернусь, – говорю отцу, когда спикеры начинают сменять друг друга.

Вываливаюсь через черный ход и адски жалею, что не курю. Просто вливаю в себя черный кофе и молюсь, чтобы это быстрее закончилось. Рядом курят журналисты, не хочу подслушивать, но обрывки фраз сами долетают до меня:

– ... Теперь снимаем сюжет про детский дом?

– Не-а, там вроде какая-то спортивная школа. На месте разберемся. Спонсоры будут стадион открывать. В два счета управимся.

Подхватив на плечо тяжелую камеру, они уже двинулись в сторону легковушки, как я окликнул их:

– Эй, мужики. Подкинете до города?

– Такси вызови, мужик. Где черти носят Василису?

– Тимур? – раздается удивлено. – Это ты?

А вот и мой счастливый билет.

Передо мной стоит подружка моей мачехи. Журналистка, кто бы мог подумать. Василиса еще дуется, но у меня только что появился второй шанс.

– Приве-е-ет, – обольстительно улыбаюсь. – Вот так встреча, а я как раз слышал что-то про спортивную школу? Вам ведь в ту же сторону, что и мне?

– Лиса, ты идешь? – окликает ее недовольный оператор.

– Езжайте! Я доберусь на своей.

Василиса отмахивается от него, не сводя с меня глаз.

– Жаль, что времени в обрез, – тянет она. – Ты же понимаешь, что я, в отличие от твоей мачехи, благотворительностью не занимаюсь?

Догадываюсь, что ты пиранья, которая палец по локоть откусит. Поэтому это еще одна причина держать от твоего рта самое дорогое.

– Запрыгивай. Ксения знает, что ты едешь?

От неожиданности я ударяюсь лбом о низкий потолок ее тачки. Божья Коровка будет там?

Что ж, это еще один повод смотаться отсюда к ней. Достāju телефон и пишу отцу смс. Знаю, что они тоже находятся в его черном списке, где безвылазно поселились спортивная одежда.

Но мне двадцать восемь и поздно уже что-либо менять. Я неблагодарная свинья.

Глава 9. Ксения

У меня уже заканчиваются доводы и причины не спускаться к завтраку, а Сергей, как назло, всю эту неделю проводит в городе. Я знаю, что мои отказы вызывают у него недовольство, но из двух зол – на протяжении часа сидеть в обществе Тимура или ругаться с мужем – я выбираю второе.

В конце концов, Тимур его сын, ему с его запоями, работой и алкоголизмом и разбираться.

Каждое утро я просыпаюсь раньше привычного времени и еду в офис, куда обычно заезжала не так часто, но теперь обстоятельства изменились. Туда же приезжает и Анжела, чтобы привести меня в порядок. Вопросов она не задает, не положено, но я все равно почему-то жалуюсь вслух на то, как много у меня дел, что приходится выезжать из дома не накрашенной.

Я намеренно пропускаю время ужина и всегда выезжаю из города так, чтобы гарантировано опоздать. Сергей не из тех, кто станет менять ради меня распорядок дня, а приемы пищи, когда он дома, у нас расписаны буквально по минутам.

Я оформляю доставку полезной еды прямо в офис, потому что не могу на каждый прием пищи ходить по ресторанам. Кто-нибудь обязательно донесет об этом Сергею. Моя еда полезная, сбалансированная и опять совершенно безвкусная в десятках пронумерованных алюминиевых и картонных ко-

робках, которые мне доставляют ежедневно.

Я занимаюсь спортом даже чаще, чем обычно, потому что это единственная возможность законно сбросить кипящую внутри меня ярость.

А злость меня аж распирает. На Тимура, в основном. И меньше на себя. Прибежала, как наседка. Как наивная пусто-головая Лали, которая все равно прибежит к Тимуру, сколько бы раз он не вытирал об нее ноги.

А мне должно быть все равно.

Забота о сыне не прибавит мне плюсов в глазах Сергея. Мой рейтинг давно упал ниже уровня моря и даже в Арктике теплее, чем наши с ним отношения.

Пусть Тимур убивает себя с помощью алкоголя, думаю я, пока кручу педали. Пусть сидит на наркоте, мне плевать, думаю, пока качаю пресс. Мне до него нет никакого дела. Это его жизнь. А он ничего обо мне не знает и не знает, каково это терять все надежды разом.

Не знает!

Он, черт возьми, понятия не имеет, каково это терять по-настоящему!

Когда в груди дыра, а вместо чувств выжженная пустыня. Он ни черта не знает!

Я обнаруживаю себя возле боксерской груши, которую бью до кровавых костяшек, без защиты и на глазах у изумленного тренера. Кажется, он спрашивал меня, нужна ли мне консультация или помощь. Но я не услышала. Просто коло-

тила грушу кулаками, стиснув зубы так, что теперь ломит в висках.

Позже, на региональном совещании, куда я отправилась сразу после спортзала, я чувствую себя недоделанным членом секретного Бойцовского Клуба. Нет никакой возможности скрыть синяки на костяшках, а правила приличия не позволяют мне натянуть рукава пиджака настолько сильно.

Я выдерживаю и чрезмерное внимание со стороны коллег, и шушуканий за спиной. И даже опешивший взгляд курьера из доставки, когда я, забывшись, расписываюсь в его планшете.

Ярость продолжает прибывать и затапливать меня с головой удушающей горячей волной. Я злюсь на весь белый свет, но на Тимура больше всего. Это только он виноват в том, как я себя ощущаю.

Это именно он выводит меня из себя, даже несмотря на то, что мы с ним больше не видимся. Он умудряется делать это даже на расстоянии.

Безвкусная белковая еда больше не лезет в горло, и я смахиваю полные, только открытые контейнеры в мусорную корзину. Хочется послать весь мир к черту, а еще закрыть этот ящик Пандоры, который Тимур, сам того не зная, всего лишь приоткрыл.

Столько лет я потратила на то, чтобы не осталось ни единой щели. Чтобы ни что не выдавало то, какой я была. И почему стала именно такой.

После обеда я еду в спортивный интернат, которому удалось выбить из спонсоров новое покрытие и оборудование для стадиона. Новенький газон странно смотрится рядом с облупленным зданием, на капитальный ремонт которого, пожалуй, ушло бы, как на два стадиона. Дети по-прежнему будут жить в спальнях, в которых зимой ужасно сыро и холодно, но зато у них будет новый стадион. В этом суть современной благотворительности. Слишком долго, медленно и редко мы можем исправить что-то жизненно-важное. Официальные лица тянут долгие речи о том, как важен для страны детский спорт, что эти мальчишки – наше будущее.

Это интернат. Дети здесь из бедных семей, большинство никогда не уезжают на каникулы к родителям, потому что ничего, кроме бедности и побоев, их не ждет. Им не привыкать к тяжелым условиям. И даже казенное колючее постельное белье для некоторых лучше, чем грязное дома.

Ярость продолжает кипеть в крови. Сегодня особенно тяжело смириться с цинизмом благотворителей. Они продолжают рассуждать о важности детского спорта, но как будто не видят деревянных крашенных, перекрашенных оконных рам. Интернат стоит в очереди на смену окон, уже третий год. Подождут еще, ведь сегодня им повезло со стадионом. В стране сотни таких учреждений, но даже одно из них нельзя привести в порядок от начала и до конца. От стадиона и до кончика прохудившейся крыши. Нельзя и все.

Последним слово берет директор интерната. По уму, ему

бы давно пора на пенсию. Но никто не рвется занимать его место. Он говорит как раз об этом, хотя иносказательно, ведь вслух принято рассуждать только о будущем. Хорошо будет потом, а сейчас нужно только потерпеть.

Этот человек отдает последнюю копейку на благо интерната и мальчишек. На них новенькая форма, двух цветов, потому что сразу после речей они сыграют на новом покрытии. И многие стоят и переминаются с ноги на ногу, блестящими глазами глядя на новые сетки на воротах. На полосы на искусственной траве, которые до сих пор пахнут краской.

Поразительно, но в каждом из этих мальчишек я вдруг вижу Тимура. Когда-то, очень давно, он скорее всего был точно таким же. С острыми коленками, с которых сползали гетры. Нетерпеливо дергал ногой, желая только одного – поскорее оказаться на поле.

Как же так вышло, что ничего этого не осталось в его жизни?

Мне ли не знать, что мы всегда теряем самое дорогое вот так, в одно мгновение, которое проходит черной полосой, меняющей жизнь на «до» и «после». Это не финиш и не старт. Это новый круг с новыми условиями, который ты начинаешь оглушенный и сбитый с толку, и больше нет возможности начать заново. Повернуть время вспять. Побегать обратно, надеясь дважды войти в одну и ту же воду.

Звучит свисток. И нетерпеливые мальчишки срываются с мест. Занимают места на поле. Им еще просто верить в буду-

щее, в то, что когда-нибудь потом все будет хорошо. А чтобы стать счастливыми, им просто нужно сыграть в футбол.

Седой директор разыгрывает мяч.

Я ни черта не смыслю в правилах футбола. Никогда им не интересовалась. Никогда не понимала, что сын моего мужа вообще нашел в этом перебрасывании толпой одного мяча.

Но теперь я понимаю, что так и должно было быть. Просто у каждого человека должно быть именно то, от чего только у него будет чаще биться сердце. Главное, что оно есть. И плохо, когда этого больше нет. Тогда и человека нет. Только оболочка, которая продолжает куда-то нестись, потому что так принято. По привычке жить дальше. А жить уже неинтересно.

Или бессмысленно.

– Да кто, блять, так играет?!

От этого крика даже рев на трибунах стихает. Сначала с лица директора сбегает вся краска, а потом он, наоборот, багровеет, рыща взглядом по трибунам. Нет, я знала, что футболисты из-за азарта матерятся, как сапожники, но чтобы при детях?

Игра на поле продолжается, но мне, думаю, пора идти. Пусть у этих детей все сложится лучше, чем могло бы быть. Не знаю, если я хоть еще один раз попаду в этот интернат...

– Да куда же ты, блять, бьешь?! У тебя что, две ноги левые?

Я словно натыкаюсь на невидимую преграду.

Мне показалось. Нет, мне точно показалось. И мне бы уйти или лучше бежать. А еще лучше просто стереть этот день из своей жизни, но вместо этого я медленно оборачиваюсь на месте, так что вещи моментально становятся хуже некуда.

Седовласый директор велит какому-то мужчине в костюме убраться со стадиона, потому что он совершенно не умеет следить за языком. У него широкие плечи, а еще он очень большой, этот мужчина. Сердце екает и сжимается в груди. Мне показалось, правда:

– Уйти? Да как, блять, уйти?! Кто их вообще учил так играть? Покажите мне этого человека!

– Убирайтесь! Кто вам дал право?! Я их и учил! – орет в ответ директор. – А что поделать, если нет нормальных тренеров, которые готовы работать за копейки! Все такие умные! А вы попробуйте их обучить!

Я хватаю ртом воздух, как пойманная в сеть рыба.

Господи, только не соглашайся. Не соглашайся! Я понимаю, что бегу, пробираюсь к нему сквозь толпу, которая только прибывает. Игра уже остановлена. Пацаны улыбаются и толпятся у ограждения.

Нет, нет! Только молчи!

Тимур оглядывает трибуны ненавидящим взглядом. Я понимаю его чувства и в очередной раз поражаюсь тому, какой он высокий и мощный. Он как будто возвышается над толпой, тогда как я безнадежно увязла в ней, словно в тресине.

– Тренеров, говорите, нет? – ревет он. – Да это ведь стыд

и позор! Это издевательство вы зовете «Будущим страны»? А я вот возьму и попробую! Дайте мне работу, и я покажу вам, что такое настоящий футбол!

Хватаюсь за спинку пластикового сидения, чтобы устоять на месте.

Люди гудят одобрительно. Они любят таких отчаянных смельчаков.

А вот Сергей нет.

Глава 10. Тимур

Вот ведь.

Совсем забыл, зачем сюда приехал. Голова кругом пошла от такого привычного рева зрителей, свежей краски, свистков тренера и звуков игры. Вспомнил настоящую жизнь. То, кем я был до того, как стал никем.

И понял, что не могу иначе. Не выживу. Рухну на дно, где будут бухло, телки и чего похуже. А я ведь хочу жить. Я ведь что-то еще могу, пусть и никогда больше не смогу выйти на поле, как игрок.

А дальше искра, буря, безумие.

Очнулся только, когда почувствовал, как чей-то взгляд прожигает в черепе дыру. Еще бы.

Она. Та, что найдет меня в любой толпе.

Маленькая, но такая смелая Божья Коровка. На этот раз почему-то бледная, как смерть. Но зато в глазах молнии. А чем я опять ей не угодил? Что такое? Могла бы и порадоваться!

– Так вы сейчас не пошутили, молодой человек?

Старик, который назвался никчемным тренером этой команды, преградил мне путь к Божьей Коровке.

Я вызвался помочь этим ребятам. И я помогу. Когда-то это я оказывался от своих слов так просто? Да и было бы что терять. От меня и так ничего не осталось.

– Абсолютно серьезен, запишите мой номер. Завтра приеду с утра к вам и мы все решим, окей?

– Хм... Окей, – саркастически отзывается старик.

– Я действительно приеду! – зачем-то горячо отзываюсь.

– Ну конечно, – он прячет невесть откуда взявшийся блокнот, куда только что записал мой номер по старинке, а не в привычную записную книжку на смартфоне. – Сделаю вид, что поверил. Ну спасибо, что сорвали нам игру. И прощайте.

Он уходит, но я не буду пускаться следом. Знаю, что лучше всего докажу ему свои намерения, когда вернусь к нему завтра и устроюсь к нему на работу.

Черт. Надо было спросить, наверное, паспорт надо взять? Никогда не устраивался на работу.

– А ты крут, красавчик! – какие-то старшеклассницы подмигивают мне и, заливаясь хохотом, убегают.

Надеюсь, мне не надо будет их тренировать тоже? Я только на пацанов согласился, а женский футбол, где в игре куда больше пружинящих мячей, это не ко мне.

Старшеклассницы и мимо внимания Божьи Коровки не ускользнули. Закатила глаза. Губы еще сильнее сжала в линию. В зеленых глазах вот-вот развернется портал в ад.

И я лечу прямо на этот огонь.

Останавливаюсь в шаге от нее. Зачем-то прячу руки в карманы. Черт, почему я нервничаю под ее взглядом? Я мужик и во мне почти два метра ростом, и я в два раза ее тяжелее. А мнусь, как перед училкой, в чьем кабинете я только что

разбил окно.

– Ммм... Привет, – осторожно начинаю. – Ты, наверное, злишься, что я оказался тут без приглашения и вообще sunulся...

Приподнимает одну бровь, так что я моментально затыкаюсь.

– Наверное?... – с едким сарказмом уточняет она. – Как ты вообще здесь оказался?

– А это я его привезла! – хохочет, подходя ближе, Василиса. – Вот это сюжет! Слушай, знала бы, еще раньше подкинула бы. Тимур, сегодня ты станешь звездой!

С лица Божьи Коровки сбегает вся краска.

– Вася, нет... Ты не можешь!

– Почему? Это моя карьера, Ксю. Еще как могу. Такой сюжет запороть – это было бы настоящим преступлением. Оператор уже отослал в студию, хотят успеть к шестичасовому. А потом еще в итоговом вечернем выпуске повторяют. Это же бомба! Сын и в тренеры! Ой, умора!

Василиса подмигивает мне, а Божья Коровка вдруг достает телефон, ждет, а потом ровным, без эмоций голосом, как робот, произносит:

– Сергей. Шестичасовой выпуск новостей. Сюжет о спортивном интернате. Сделай так, чтобы его никто не увидел... Это не ерунда, там Тимур... Да, он здесь со мной. Потом объясню.

Четко. Быстро. Без минуты промедления. Или сожаления.

На глазах у подруги.

Они ведь подруги?

Ну, были.

– Ты что творишь, Ксения?! Почему «отменить»?! – несмотря на косметику, Василиса вся покрывается пятнами.

– Тимур не тот человек, о котором ты можешь вот так легко рассказывать в новостях, – отвечает Божья Коровка. – Мне жаль, что ты не подумала об этом. Тимур, мы уходим.

В ее голосе столько власти и металла, что я чувствую себя лет на десять младше и даже едва не ляпаю: «До свидания, тетя Василиса». Божья Коровка впечатывает каблуки в свеженькие ступени стадиона, пока я пытаюсь догнать ее, но тогда же в спину летит:

– Ты за это еще поплатишься, сука! Отвыкла, поди, как это – зарабатывать на жизнь собственным горбом, а не ноги раздвигать перед богатым мужем! Зачем ты так со мной, черт бы тебя побрал! Я ведь думала мы подруги!

На миг остановившись, Божья Коровка мгновенно берет себя в руки и, не оборачиваясь, продолжает подниматься. Говорить ей больше не о чем.

– Это что сейчас было? – уточняю в машине, которая выезжает на трассу.

Следом за нами едет кортеж с охраной. Кажется, я и правда забыл, что в России я не могу быть просто самим собой.

– Это? Реальность, – сухо отвечает она, глядя в окно.

– И много у тебя осталось друзей, Божья Коровка? Если

такова твоя реальность.

– Я просила меня так не называть.

– Не то что? Папочке на меня пожалуешься?

Она дергается и впервые смотрит на меня. Я жду остеклевший взгляд сухой мумии, но меня чуть не вышвыривает из машины шторм, бушующий в ее глазах. Впервые, вместо ледяного равнодушия, я смотрю в жерло вулкана, в котором сгораю заживо.

Настолько живой она была только в том темном зимнем саду.

А до этого аж десять лет назад, когда смеялась на собственной помолвке. Когда и сама была совсем другая.

Что же произошло с тобой, Ксения, за эти годы? В чем твоя тайна, что изменила тебя до неузнаваемости? Что по щелчку пальцев вычеркиваешь из своей жизни людей и не позволяешь себе эмоций?

Словно пойманная врасплох, она отворачивается.

Снова топит огненный взгляд в бескрайних полях за окном, как привыкла это делать. Поражаюсь ее выдержке. Ее стойкости. Она никак не отреагировала на оскорбления Василисы, на мою выходку на стадионе и на мои подколки. Дома ее ждет отец, и он тоже вряд ли будет рад моему решению.

Так что я... Только треплю ей нервы, которые ей еще понадобятся.

– Прости.

Голос звучит тихо. Как вздох. Как шелест.

Она не шевелится, окаменевшая, остекленевшая, как живая мумия. Снова. Чувства выжжены, уничтожены, запрятаны. Не уверен, что она меня вообще слышит.

Смотрю на белое кожаное сидение между нами. На ее длинные пальцы.

Протягиваю руку и накрываю ее ладонь. Переплетаю свои пальцы вместе с ее. Они ледяные на ощупь. Снежная Королева опять победила. Прах феникса развеялся по ветру.

Сильнее сжимаю ее пальцы, пытаюсь согреть. И вдруг слышу:

– Ты совсем не знаешь своего отца, Тимур...

Глава 11. Ксения

Ужин проходит в тишине.

Сергей ест настолько бесшумно, как будто кто-то просто поставил его жизнь на беззвучный режим. Я привыкла к ощущению, которое возникает каждый раз рядом с ним, — я словно глохну. А каждая секунда рядом с ним становится густой и душит, как вязкая мокрота.

Тимур, в отличие от отца, ест совсем иначе. Быстро, жадно. Он успел проголодаться, а его вилка то и дело касается тарелки, и фарфор тихо звенит под его напором. Так есть неприлично, но ему плевать.

Гребешки Тимур ест, не разрезая, в отличие от отца, который медленно и степенно разрезает каждый белесый квадратик на десятки крохотных кусочков. Казалось бы, их даже не нужно пережевывать. Но Сергей пережевывает. Долго, старательно, как будто именно от качественной работы чести сейчас зависит его жизнь.

После он принимается за спаржу. И если даже гребешкам досталось столько внимания, длинным зеленым стеблям достаётся ещё больше.

Я тоже режу спаржу, как и гребешки, и тоже делаю это бесшумно. Привыкла. А ещё совершенно не чувствую вкуса еды. Даже глоток воды приносит больше наслаждения, чем ужин, приготовленный специальным поваром, выписанным

Сергеем из Лондона.

Снова касаюсь стакана с водой и делаю небольшой глоток, чтобы это не выглядело подозрительным, хотя только Тимур может заподозрить неладное. Надеюсь, что холодное стекло остудит мои пальцы. Они до сих пор горят от невинного прикосновения Тимура. Можно ли ему держать меня за руку? Это ведь не противозаконно?

Но почему тогда так горит кожа?

Ярость, которая стала моим незримым постоянным спутником, никуда не делась. Как плохой советчик, она ехидно замечает, что это не просто рукопожатие, а мачехе не пристало держать за ручку такого великовозрастного пасынка. Но с другой стороны, мне и признаваться Сергею не в чем. Даже история о том, как у Тимура вставало от моих прикосновений, звучит куда захватывающе, чем рассказ о том, как мы держались за руку всю дорогу до дома.

Перед ужином никаких разговоров. Это незыблемое правило нашего дома. У Сергея хватает проблем на работе, но их он предпочитает обсуждать после ужина в кабинете, где иногда позволяет себе ароматную сигару. Наша жизнь распланирована по правилам и ритуалам, которые не приносят никакого удовольствия. Хотя, может быть, это касается только меня.

Тимур теряет терпение. Быстро разделавшись с гребешками, он отодвигает тарелку, на которой еще полно спаржи. Он явно голоден, потому что почти ничего не ел. С подозрением косился и на тыквенный суп-пюре, который нам подавали

перед этим, и, скривившись, проглотил только пару ложек.

Нужно быть слепым, чтобы не заметить, что Тимур совершенно не подходит к жизни высшего общества, которое заставил плясать вокруг себя его отец. Вот только... Сергей не желает признавать этот факт. Он еще не знает о детском доме и желании Тимура работать там тренером. Скорей всего, он будет говорить с ним об этом за закрытыми дверьми кабинета, куда мне, как и любой другой женщине, нет хода. По крайней мере, я надеюсь на это.

После дрожащей белой панакоты и клубники на десерт, Сергей наконец-то поднимается из-за стола и бросает:

– Иди за мной.

Тимур тут же поднимается, но зачем-то замирает в дверях столовой. Я все еще сижу за столом. Мне прекрасно известно, что меня не звали. А он этого просто не понимает. И в первое мгновение ждет, что я пойду тоже.

– Иди, он тебя ждет, – произношу только, чтобы Тимур ушел как можно быстрее.

– Я не откажусь, – зачем-то горячо говорит он мне.

Пожимаю плечами.

– Не нужно говорить мне это. Твоя жизнь зависит не от меня.

– А если бы зависела?

С удивлением смотрю на этого рослого, широкоплечего мужчину, который готов идти за несбыточной мечтой.

– Что ты сказал?

– Что, если моя жизнь очень даже зависит от твоего решения, Божья Коровка. Что бы ты тогда сделала?

Секунды случайного разговора утекают сквозь пальцы, как песчинки. Ему нужно идти. За сегодня он уже подвел Сергея и ему лучше не делать этого снова.

– Я очень хочу, чтобы ты больше не доводил себя до того состояния, в каком я забрала тебя от твоего друга. Марата, кажется... Не убивай себя собственными же руками, Тимур. Если в твоей жизни еще может быть что-то, за что ты мог бы держаться, то не упусти это. А теперь иди, – не выдерживаю я первой. – Если ты удержишься, разговор будет еще хуже. А он и без того очень непростой.

Но вместо того, чтобы уйти, он быстро закрывает дверь столовой привычным жестом. Совсем, как тогда за завтраком. Огромная комната вдруг сокращается и сжимается, а воздух в ней резко заканчивается.

– Последний вопрос, Божья Коровка.

Широкоплечий Тимур снова занимает все свободное место. А я рядом с ним снова ощущаю себя слишком маленькой, беззащитной.

– Ты сама сказала идти за тем, что мне дорого, так?

– Да, – тихо отвечаю, не понимая, к чему он клонит.

– А что если это не только футбол?

Воздух сгорает в моих легких. Я потеряна, удивлена и мне почему-то хочется улыбаться. Сердце начинает биться быстрее, но я не могу заставить себя поднять на него глаза. Уви-

деть в его глазах, что просто неверно его поняла.

Мои внутренности плавают, как мороженое от горячей карамели, когда Тимур, скривившись от боли, опускается передо мной на корточки. Как перед ребенком. Чтобы заглянуть в лицо.

В мои глаза, которые я отвожу в сторону, лишь бы не смотреть на него.

– Посмотри на меня.

Я одновременно в ужасе и в восторге от того, каким суровым и требовательным тоном он произносит это. На ум снова приходит та сцена за завтраком и, неосознанно вспомнив вкус его кожи, ощущение его пальца на моих губах, я моментально облизываю пересохшие губы.

– Послушай, – горячо и сухо шепчет он, – я не знаю, что происходит со мной. С тобой. Но вся эта херня... Блин, я не мастер вести разговоры, ладно? Просто выслушай, Божья Коровка, не убегай и не перебивай.

У меня и в мыслях не было перебивать. А еще я приросла к стулу, и мое сердце бьется где-то в горле, так что я лишена всякой возможности сделать вдох и заговорить. Голова кружится, аромат его кожи и духов окружает, накрывает мои плечи, как мягкий плед. Я не готова слушать его сейчас, но больше всего на свете я хочу, чтобы он продолжал. Мое сердце уже так давно не билось так часто, что даже в груди больно.

Тимур сглатывает, и я, как замороженная, гляжу на то, как

движется большой кадык на его шее. Впервые я к нему так близко, что вижу бьющуюся на шее синеватую жилку. Вижу линию челюсти и жесткую поросль щетины. Обвожу взглядом очертания крупных губ.

Интересно, какие они на ощупь? А на вкус?

Он стоит непозволительно близко, но границы и нормы поведения начали стираться с самой первой встречи.

Впервые Тимур со мной на одном уровне. Смотрит в глаза и произносит:

– Ты сказала идти за тем, что мне дорого. И всю мою жизнь этим был именно футбол. Я больше никогда ничего не хотел так сильно. И сейчас мне очень не хватает игры, мяча, соперничества и всей этой хренотени, о которой я могу говорить часами, но это не то, что нужно тебе сейчас... А теперь я потерял все. За какой-то месяц скатился в самый долбаный низ, из которого теперь мне больше никогда не подняться на вершину. Понимаешь? Ты меня понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.